

Хроника научной жизни

Новые исследования об исторической памяти 1990-х годов

Междисциплинарный научно-исследовательский
семинар с международным участием
«**“Лихие” или “святые”**: 90-е годы в фокусе
памяти и исторической политики»

(Центр прикладной истории Института общественных наук
РАНХиГС, 7 июня 2023 года)

DOI: 10.53953/08696365_2024_186_2_379

Трудно отрицать, что современный режим в России весьма увлечен исторической политикой. Об этом свидетельствует и постоянное обращение к событиям прошлого в речах руководителей страны, и стремление к унификации исторического образования в школах и вузах. Между тем власть не стремится к формированию целостного нарратива, а скорее использует модель полезного прошлого (usable past). В результате поиска пригодных для использования в современных контекстах фактов прошлого одни события активно продвигаются, другие оказываются фигурами умолчания. Ярким примером этого стал 2017 год и отсутствие масштабных мероприятий, связанных со 100-летием февральских и октябрьских событий 1917 года¹. Но если молчание 2017 года можно объяснить антиреволюционным консенсусом современных элит, то события 1991 и 1993 годов являются точкой отсчета современной России и должны быть включены в мемориальную политику. Но и тут мы можем обнаружить отсутствие активности государства в сфере коллективной памяти. 1991 и 1993 годы связаны с распадом Советского Союза и остатков советской системы, что делает эти события неудобным прошлым в рамках актуальной политики памяти. 1990-е в официальном публичном дискурсе позициони-

---

1 Колоницкий Б.И., Мацкевич М.Г. Десакрализация революции и антиреволюционный консенсус в современной России: юбилей 2017 года и его политическое использование/неиспользование // Мир России. Социология. Этнология. 2018. № 4. С. 78—101.

ругуются как время кризиса государства и власти и тем самым противопоставляются политике Владимира Путина, который укреплял «вертикаль власти». Это касается и сферы административного управления, и экономики, и социальных вопросов, и внешней политики. «Стабильные» путинские десятилетия противопоставлялись «лихим» 1990-м и как бы возвращали Россию в верное русло истории. Поскольку со стороны властных институтов нет интереса, а общество в России отстранено от формирования исторической политики, академическое сообщество не получает запроса на рефлексию событий 20-летней давности. Конечно, нельзя сказать, что 1990-е являются полностью *terra incognita* на карте отечественной историографии. Можно вспомнить конференцию 2019 года в НИУ ВШЭ «1990-е. Социальная история России»² или конференцию 2021 года в Ельцин-центре «1990-е годы как предмет политики памяти»³. С одной стороны, семинар, организованный Центром прикладной истории Института общественных наук РАНХиГС, является логическим продолжением этих мероприятий (можно найти даже некоторую преемственность в датах 2019, 2021 и 2023 годов). С другой стороны, семинар позиционируется как регулярная площадка для обсуждения актуальных проблем изучения истории 1990-х годов, который приглашает исследователей не только из России, но и из-за рубежа. В работе семинара приняли участие иностранные ученые, а также некоторые доклады отечественных исследователей прозвучали на английском языке. В этот сложный период представляется особенно важным организовывать площадки для диалога исследователей из разных стран, для взвешенного обмена опытом и мнениями. Семинар Центра прикладной истории междисциплинарный, на нем выступают специалисты из различных областей социогуманитарных наук. В этот раз в мероприятии приняли участие историки, антропологи, экономисты и философы.

*Прожектор локализации
памяти о 90-х. Художник
С. Щербина*

В первой секции семинара внимание было сосредоточено на политике памяти о 1990-х в России и за рубежом. Открыл мероприятие профессор, глава международной ассоциации исследователей российского общества АИРО-XXI, преподаватель Московской школы экономики МГУ *Геннадий Бордюгов* докладом «Управление пространством памяти о 90-х гг». В начале выступления он кратко изложил свою концепцию пространства памяти, которая была сформулирована в работе 2005 года⁴. Пространство памяти используется для адресной актуализации прошлого для нужд настоящего. В нем «властвует» тот, кто стоит у так называемого прожектора, которым «освещаются» те или иные события или деятели прошлого, для того чтобы преподнести их под определенным углом (*рис.*). В случае с 1990-ми этой фигурой становит-

-
- 2 Международная научная конференция «1990-е. Социальная история России». <https://www.hse.ru/war/history1990/announcements/245539331.html> (дата обращения: 20.08.2023).
  - 3 Научная конференция «1990-е годы как предмет политики памяти». <https://yeltsin.ru/affair/nauchnaya-konferenciya-1990-e-gody-kak-predmet-politiki-pamyati/> (дата обращения: 20.08.2023).
  - 4 *Андреев Д.А., Бордюгов Г.А.* Пространство памяти: Великая победа и власть. М.: АИРО, 2005. С. 8–9.

ся, к примеру, Б.Н. Ельцин, который представляется в выгодном для актуального проекта памяти ключе. Одновременно с ним в пространство памяти, независимо от желания «осветителя», попадают его контрагенты, такие как Р.И. Хасбулатов или А.В. Ручкой. В данной схеме «антипамять» — это «невывешенная» прожектором область прошлого. Туда власть стремится поместить неугодных ей героев или события, которые мешают представить проект с нужной точки зрения. В зону «антипамяти» о 1990-х попадают, например, трудные вопросы об этом периоде: расстрел Белого дома, манипуляции на выборах 1993 года, дефолт. Примерно с 2010-х годов для современного проекта памяти характерна демонизация 1990-х. В.В. Путин неоднократно высказывался по этому поводу. Так, например, в декабре 2017 года он отметил, что в этот период «мы жили в условиях гражданской войны»⁵. В июне 2019 года президент высказался не менее радикально: «За это время у нас развалилась социальная сфера, оборонка, мы практически... поставили страну на грань утраты суверенитета и развала»⁶. В заключение Бордюгов сделал акцент на том, что рано или поздно 1990-е станут историей, но пока этого не произошло. Для этого нужна более длительная временная дистанция и смена конъюнктуры.

Доклад вызвал длительную дискуссию. Обсуждался вопрос о том, кто в представленной докладчиком схеме находится «у руля» памяти. В рамках дискуссии Бордюгов пояснил, что сейчас нет монополии власти на освещение 1990-х. За «прожектором» может стоять не только политик, но и художник, блогер, какая-то другая альтернативная сила или движение. И монополия власти невозможна именно потому, что в «освещении» пространства памяти на современном этапе активно участвуют другие игроки — и мемуаристы, и блогеры, и исследователи.

Доцент, заведующий Лабораторией актуальной истории Института общественных наук РАНХиГС Андрей Бельх (Москва) выступил с докладом «*Особенности памяти о революционных событиях (1917 г. и начало 1990-х гг.)*». Он также поспорил с тезисом Бордюгова о том, что события становятся историей тогда, когда вокруг них улеглись страсти и когда «о них можно говорить все». С позиции Бордюгова, И.В. Сталин, в отличие, например, от В.И. Ленина, — это еще не история, ведь он по-прежнему весьма спорная и политизированная фигура. Бельх же считает, что историей может стать и 2022 год: все зависит от качества исследования ученого, анализирующего выбранный период. Рассуждая об особенностях памяти о 1990-х, экономист сделал акцент на том, что как раз качественных исследований по периоду крайне мало. При этом многие достаточно принципиальные вопросы, связанные с историей 1990-х годов, остаются невыясненными. Так, высказываются противоположные позиции по поводу того, был ли приказ о штурме Белого дома в 1993 году.

Старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, научный сотрудник Центра прикладной истории Института общественных наук РАНХиГС Александра Жидкова (Москва) в выступлении «*Парадокс спячки русского медведя: конструирование образа перестройки на евроатлантическом пространстве*» крупными мазками наметила основные тенденции заявленной проблемы. Она проанализировала преимущественно американские, а также французские, немецкие и нидерландские карикатуры. Исследовательница считает, что настроения по отношению к СССР/России меняются: от совсем пессимистичных в 1980-е до

5 Большая пресс-конференция Владимира Путина // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/page/264#sel=48:174:9YU,48:179:UV1> (дата обращения: 26.08.2023).

6 Путин напомнил, как Россия оказалась на грани развала в 90-е годы // <https://ren.tv/news/politika/430087-putin-napomnil-kak-rossia-okazalas-na-grani-razvala-v-90-e-gody?ysclid=lsxb70emx3384229210> (дата обращения: 22.02.2024).

осторожного оптимизма в 1990-е. Несмотря на это, основной тенденцией данного периода можно считать восприятие СССР в качестве угрозы, что выражено, например, в карикатурах, где СССР/Россия предстает в виде медведя в спячке. Расшифровать этот важный для своего времени образ можно снижением тревожности в отношении к России периода перестройки, но вместе с тем сохранением определенных опасений — ведь непонятно, когда медведь проснется и как себя поведет. Кроме того, в карикатурах прослеживаются сомнения относительно того, насколько радикальны реформы М.С. Горбачёва. С этой точки зрения характерна карикатура 1987 года, на которой СССР изображен как старая, полуразваленная фабрика. Между тем Горбачёв и его соратники уверены, что нужны лишь небольшие изменения — подкрасить, поменять окна — и получится дом мечты. Еще одна важная тенденция, которая прослеживается в карикатурах периода, — это борьба Горбачёва с бюрократией. Так, на немецкой карикатуре 1989 год Горбачёв сражается с пятиглавым драконом — бюрократией — с помощью перестроечных реформ.

Доцент кафедры истории, научный сотрудник Лаборатории социальной истории и антропологии науки НИЯУ МИФИ *Ольга Голечкова* (Москва) выступила с докладом «*Дискурс развала СССР в современной политике памяти России*». Совместно с коллегой, историком Ольгой Чагадаевой, О. Голечкова провела мониторинг теле- и радиопрограмм и документальных фильмов в 2021—2022-м — юбилейные годы распада и создания СССР. Относительно дезинтеграции Союза повсеместно преобладает идея о том, что он был именно развален. Так, подчеркивается мысль о насильственном разрушении страны, активно ищутся виновные. Параллельно проводится тезис о том, что СССР можно было спасти. В этом контексте не удивительно, что основной тенденцией стало восхваление Советского Союза на телевидении и радио, а также построение образа «хорошего СССР», о котором уже писали исследователи⁷. К тому же характерна ностальгия по Советскому Союзу, которая не является новой для старшего поколения россиян, ведь им свойственны позитивные воспоминания о молодости, связанные с СССР. Между тем более новым трендом можно считать апроприирование этой ностальгии представителями современной молодежи, которые подхватывают идеи о «хорошем СССР» и ностальгируют по «великой державе», в которой никогда не жили.

Вторая секция семинара получила название «90-е в материалах устной истории», и открыл ее доклад научного сотрудника Базельского университета *Барбары Мартин* (Швейцария) «*Религиозное возрождение 1990-х гг. в устных рассказах русских православных верующих*». На основе серии интервью был представлен взгляд верующих на религиозную ситуацию после распада СССР. Многие респонденты отмечали двойственное положение, когда, с одной стороны, церковь получила больше возможностей для своей деятельности и были сняты ограничения, наложенные советской системой, а с другой стороны, церковь как институт сосредоточила свое внимание на внешних формах, а не на внутреннем содержании. Так, верующие зачастую противопоставляли священников советского периода («стариков»), которые были включены в жизнь общины и были носителями подлинного благочестия, и современных священников, которые не могли выступать моральными авторитетами. Негативно на имидж церкви влияла и экономическая деятельность в виде беспешинной торговли сигаретами и образ священника на дорогой иномарке, что

7 См., например: *Гельман В.Я., Обьеденкова А.В.* Изобретение «наследия прошлого»: стратегическое использование «хорошего Советского Союза» в современной России. Препринт М-92/22. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2022 (<https://eusp.org/sites/default/files/inline-files/%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BD%D1%82%20%D0%9C-92.22.pdf> (дата обращения: 12.12.2022)).

отталкивало часть верующих от церкви как института. В результате многие респонденты даже оспаривают саму идею религиозного возрождения 1990-х годов, поскольку говорят, что это было возрождение института, а не веры.

Продолжила секцию ведущий научный сотрудник ТюмНЦ СО РАН *Вера Ключева* (Тюмень) докладом «1990-е годы в памяти жителей Российского Севера». В начале сообщения докладчица проблематизировала понятие «Север», отметив, что и среди североведов и среди самих жителей Севера нет однозначного понимания границ этой территории. То есть «Север» оказывается очень пластичной структурой, слабо соотносящейся с географическими и территориальными границами. Например, туда же респонденты зачастую относят Камчатку, которая принадлежит к Дальнему Востоку. Особой частью Российского Севера стали районы индустриального развития. В советский период они были экономически благополучными и привлекали массы населения «длинным северным рублем». Многие из тех, кто приезжал на заработки, оставался на Севере, сохраняя при этом двойную идентичность. Вера Ключева высказала идею, что к концу советского периода Север перестал восприниматься как место постоянного подвига, а приобрел черты повседневной рутины. С распадом СССР на Севере начали происходить схожие процессы, что и в остальной России: закрытие предприятий, невыплата зарплат, упадок экономических связей. Как следствие, многие регионы Севера испытали массовый отток населения в центральные регионы. При этом нарративы о качестве жизни на Севере в 1990-е оказываются более разнообразными. Так, истории упадка и изоляции соседствуют с воспоминаниями о «золотом веке» в нефтегазовых городах.

Финальным докладом в секции было выступление старшего научного сотрудника Центра прикладной истории Института общественных наук РАНХиГС, старшего преподавателя кафедры этнологии МГУ им. М.В. Ломоносова *Марьяны Архиповой*, посвященное теме «Вспоминая “лихие” 90-е. Опыт антропологического исследования памяти жителей современной России». В современном российском медиапространстве существует определенный разрыв. Если блогеры позиционируют 1990-е как время свободы и возможностей, то традиционные СМИ говорят о 1990-х как о времени крушения надежд. В течение полугода сотрудники Центра прикладной истории Института общественных наук РАНХиГС брали глубинные интервью у жителей Москвы и Подмосковья о 1990-х. Первоначально была выделена группа респондентов, которых отбирали по ряду критериев: возраст 50+ и высшее образование. Эти критерии, по мнению докладчицы, позволили сформировать более-менее однородную выборку. Изначальная гипотеза заключалась в том, что советская интеллигенция наиболее болезненно переживала 1990-е. Для обработки материалов интервью использовалась программа «PolyAnalyst», которая позволяет определять тональность текстов. В результате было выявлено в три раза больше позитивных лингвистических конструкций, чем негативных. Автоматические результаты также были дополнены ручной обработкой, по итогам которой обнаружилось два основных тропа в рассказах об изучаемом периоде: 1) материальные трудности и резкий рост цен, прежде всего на хлеб; 2) время возможностей и свободы выбора собственной жизненной траектории. Исследователи объяснили наличие двух тем возрастным разрывом интервьюированных: более молодые вспоминают возможности, которые давали 1990-е, а более взрослые ностальгируют по советским ценностям, которые позволили «достойно» пройти это время.

Третья секция семинара получила название «Образы 90-х в публичном пространстве и массовой культуре». Доцент Школы исследования окружающей среды и общества, заведующий Лабораторией междисциплинарных исследований пространства ТюмГУ, *Александр Фокин* выступил с темой «Поколение П: образы 90-х на экране». В докладе был представлен анализ современной русскоязычной кино-

и телепродукции, которая использует 1990-е как «особое время». Важной характеристикой 1990-х является тот факт, что мифология десятилетия сформировалась в течение 1990-х, а не после. Появление обилия книжной продукции про «ментов» и бандитов привело к возникновению культовых сериалов: «Улица разбитых фонарей» (1998), «Бандитский Петербург» (2000) и «Бригада» (2002). Как и фильм «Брат», создавший образ народного героя 1990-х, эти сериалы активно эксплуатировались массовой культурой более позднего периода. Показательно, что режиссер «Брата» Алексей Балабанов, снявший впоследствии фильм «Жмурки», представил и другое, ироническое прочтение «лихих» 1990-х. С течением времени возникают фильмы и сериалы, направленные на ностальгию по 1990-м, которую сейчас могут испытывать не погруженные в социально-экономические проблемы своего времени дети и подростки первого постсоветского десятилетия (они же — нынешняя целевая аудитория российских каналов). Своеобразным итогом переосмысления эпохи становятся строчки песни певицы Монеточки⁸: «В девяностые убивали людей / И все бегали абсолютно голые / Электричества не было нигде / Только драки за джинсы с кока-колой». На эту песню был снят клип, повторяющий многие сцены из фильма «Брат». Таким образом, 1990-е превращаются, словами певицы, в «пост-пост-» и «мета-мета-» прошлое.

Следующим выступил ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, профессор кафедры истории России УрФУ *Константин Бугров* (Екатеринбург) с докладом «*Кризисоград: 1990-е годы в градостроительном пространстве индустриальных центров Урала*». По мнению докладчика, образ 90-х распадается на две части, одна из которых тяготеет к советскому времени, а вторая к более позднему периоду. То есть 1990-е воспринимаются либо как деградация позднего СССР, либо как пробник «сытых» нулевых. Эту проекцию можно наложить и на историческую урбанистику, в частности при изучении мало изученных до сих пор позднесоветских и постсоветских городов. Главной особенностью города 1990-х был факт огромного падения жилищного строительства. Так, в Свердловской области жилая застройка сократилась почти в два раза. На это накладывалась проблема территориальной разбалансировки. Если в СССР строительство происходило не только в крупных, но и в небольших городах, то в 1990-е жилье строилось преимущественно в областных центрах. В результате такой пересборки городского пространства офисы и ТРК внедрились в пространства НИИ и заводов, а первые этажи домов обросли витринами. Сама ткань города стала основой для ressentимента: подкрепленный картинками из журналов или кадрами из фильмов советский образ города как целостного явления вступил в противоречие с тем, что человек видел, каждый день передвигаясь по городу. Этот разрыв был и в 1990-е, сохраняется он и сейчас. Как его преодолеть и что с ним делать, является важным вопросом для докладчика.

В докладе доцента кафедры истории, научного сотрудника Лаборатории цифровых технологий в гуманитарных науках НИЯУ МИФИ *Ольги Чагадаевой* (Москва) «*Памятники челноку как низовая инициатива коммеморации эпохи 1990-х*» центральной фигурой выступили представители научно-технической интеллигенции, которые в условиях экономического упадка вынуждены были искать новые способы заработка. Одной из новых профессий 1990-х становится челнок. Уже в 2000-х годах начинается коммеморация этой профессии. В 2003 году планировалось открыть памятник в Багратионовске, на границе с Польшей, поскольку это был важный центр транзитной торговли с Европой, но проект не реализовали. Па-

---

8 Включена Минюстом РФ в реестр иностранных агентов.

мятники челноку открылись в 2006 году в Славянске, в 2007-м — в Белгороде, в 2009-м — в Екатеринбурге, в 2017-м — в Набережных Челнах и т.д. Таким образом, от западных до восточных границ бывшего СССР челнок оказывается «отлитым в бронзе». При этом неотъемлемой частью памятников является образ огромных сумок, в которых челноки возили товары. Все имеющиеся памятники челноку являются примерами низовой коммеморации и желанием сохранить и артикулировать социальный опыт, полученный в 1990-е.

В четвертой секции исследователи рассуждали о том, как работает коллективная память. Сначала стажер-исследователь Центра прикладной истории РАНХиГС Анна Головина (Москва) выступила с докладом «*Теоретическое осмысление коллективной памяти: существуют ли “общие” воспоминания и как мы можем их осмыслять*». Она остановилась на серии работ ключевых теоретиков вопроса, а также рассмотрела серию примеров. И наконец, философ, независимый исследователь Мария Фокеева (Тиват, Черногория) рассказала о посттравматической работе памяти на примере опыта свободы и ресентимента 1990-х годов в России. При исследовании этого периода можно говорить о двойном травматическом сдвиге. Первый травматический сдвиг произошел как следствие того, что 1990-е были наиболее активным периодом работы памяти по переосмыслению советского прошлого. Политические стратегии 1990-х годов, касающиеся работы памяти, предоставляли возможность переоценки прошлого (законы о реабилитации жертв политических репрессий, открытие архивов). Ожидалось, что опыт свободы и исследование прошлого будут способствовать формированию новой несоветской идентичности. Однако этого не произошло, так как попытки осмыслить прошлое были омрачены вторым травматическим сдвигом — самим травматическим опытом 1990-х годов, который наложился на посттравматическую работу памяти о советском прошлом. Согласно исследованию Е.С. Синельниковой и Е.В. Зиновьевой, с 1990-ми годами связаны наиболее негативные коннотации россиян по сравнению с другими историческими периодами, такими как советская эпоха и современность. Среди ключевых проблем 1990-х годов, упомянутых респондентами, были отсутствие законности и порядка, а также финансовые трудности⁹. По мнению М. Фокеевой, травматический опыт 1990-х вызвал ресентимент, который усугублялся другим ресентиментом, связанным с распадом Советского Союза. К схожему выводу приходит и социолог А. Левинсон, который подчеркивает негативную оценку 1990-х годов среди населения, к которой «добавляется... неушедшая ненависть к тем, кто внушил тогда надежду, и злость на самих себя, этой надеждой искушившихся»¹⁰.

Чем ближе эпоха к нашему времени, тем одновременно и проще, и сложнее ее изучать. С одной стороны, есть множество живых очевидцев событий прошлого: как рядовых граждан, так и людей, принимавших решения на разных уровнях системы. С другой стороны, одному исследователю или даже небольшой группе крайне сложно проинтервьюировать их всех и потом проанализировать полученный массив информации. Сложно дистанцироваться и от политической конъюнктуры, которая пронизывает практически любую интерпретацию относительно недавнего прошлого, а события 1990-х годов еще сильнее связаны с текущей внутренней и внешней политикой, чем феодальная раздробленность или эпоха дворцовых пере-

9 Синельникова Е.С., Зиновьева Е.В. Историческая память о 90-х годах XX века в России: психологические аспекты // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2018. № 4. С. 80.

10 Левинсон А. 1990-е и 1990-й: социологические материалы // Новое литературное обозрение. 2007. № 2. С. 489—503.

воротов. Участники конференции стремились взглянуть на 1990-е с определенной дистанции, в то время как в обществе в большей степени есть запрос на оценочные суждения. Ведь для значительной части населения страны 1990-е являются переломным моментом и травматичным опытом. Конечно, одно мероприятие не может дать полную картину сложной эпохи. Проведенный семинар скорее показал амбиции команды Центра прикладной истории РАНХиГС¹¹, которая стремится стать авторитетом в постсоветских исследованиях вообще, и в теме 1990-х в частности.

Александр Фокин, Ольга Голечкова

Научная конференция
**«Между поэтическим и повседневным:
дискурс — медиа — коммуникация»***
(Институт языкознания РАН, 16–17 июня 2023 года)

DOI: 10.53953/08696365_2024_186_2_386

16–17 июня 2023 года в Институте языкознания РАН состоялась научная конференция «Между поэтическим и повседневным: дискурс — медиа — коммуникация» (организаторы О.В. Соколова, В.В. Фещенко), посвященная существованию современной поэзии в контексте цифровой коммуникации. Распространение социальных сетей, работа поэтов с интерфейсами и нейросетями, использование ими различного софта и языков программирования приводят к изменению стратегий поэтической коммуникации, а также к трансформации междискурсивного взаимодействия. В ходе конференции обсуждались новые коммуникативные модели в современной поэзии в контексте поэтической прагматики, способы существования поэзии в интернете, механизмы интердискурсивного взаимодействия поэтического языка и обыденной речи в контексте новых медиа, трансфер знаний между медиатеорией и разными областями лингвистики (лингвопоэтикой, лингвопрагматикой, лингвоэстетикой, лингвосемиотикой) и многие другие темы.

Конференцию открыл доклад *Максима Кронгауза* (НИУ ВШЭ / РГГУ, Москва) «*Новые жанры интернет-поэзии: формальные и содержательные особенности*», в ходе которого были рассмотрены комические жанры интернет-поэзии («пирожки» и «порошки», «депрессяшки») в контексте истории их возникновения, а также сделан обзор существующих исследований этих форматов сетевого творчества. Кроме того, в докладе были представлены метрические, графические, сюжетные и другие особенности «пирожков» и «порошков», характеризующихся уменьшением роли автора, что связано с фольклорной тенденцией, а также использованием

---

11 11 июля 2023 года на базе Центра прикладной истории Института общественных наук РАНХиГС прошло еще одно мероприятие — междисциплинарный круглый стол «Реформы 1990-х гг. в России: могло ли все пойти иначе?».

* Обзор подготовлен в рамках гранта Российского научного фонда (проект «Поэтический язык и обыденная речь в эпоху новых медиа: корпусно-дискурсивный анализ», № 22-28-00522) в Институте языкознания РАН.